

ВАЛЕРИЙ ИСАЕВ



## ДОКТОР ФАЯ

БЫЛЬ

...Ухал, вколачивая в людские души отчаяние пузатый барабан. Безбожно фальшивили пронзительные трубы самодеятельного оркестра. Похоронная процессия, выйдя со двора, направилась к кладбищу.

Одетую в чёрное Фаину Михайловну держала под руку дочь.

Фаина Михайловна шла прямо, не опустив головы, а наоборот — подняв её, так что видно было её лицо — бледное, обрамлённое траурным платком. Горе, похоже, не приставало к ней — сильной.

— Хоть бы всплакнула для порядку...

— Куда там. Такая заплачет — как же... Гордячка...

— Такую ничем не проймёшь...

— А вы чего хотели от фронтовички?

— Сердце надо иметь...

— Да она каждого из нас от чего-нибудь да вылечила — вот сердце-то и израсходовала...

— Тихо вы...

— Это ж надо как держится... Молодец эта доктор Фая...

— Да тихо вы, нехристи...

Спихватывается нестройный оркестрик. Люди склоняют головы, мужчины как по команде срывают с голов отсыревшие от пота на июльской жаре кепки, вытирают взмокшие головы.

---

*ИСАЕВ Валерий Николаевич родился в 1941 году в Ленинграде. Окончил 1-й Ленинградский медицинский институт. Доктор медицинских наук, действительный член Академии медико-технических наук. Работал по профилю в Рубцовске (Алтай) и в Москве. Автор 12 книг прозы и 6 поэтических сборников. Среди них «Огонь плящий», «Первый и последний», «На краю». Лауреат премии Александра Невского. Член Союза писателей России. Живёт в Москве.*

Неживые цветы подрагивают на длинных негнущихся проволочных стеблях.

— Сильная женщина, что и говорить.

— Жалко её: век с человеком прожила... Осталась теперь одна...

— А дочь?

— А что дочь! Дочь — отрезанный ломоть, известное дело...

...Леониду свою Фаина Михайловна провожала вскорости после похорон. Дочь училась в институте в сибирском городе, спешила на занятия.

— Mam, a mam...

— А? Что доченька? — отзывалась не сразу мать.

— Я говорю, — робко начинала Леонида, — слезами горю не поможешь... Может, хватит убиваться, а, мам?.. Ма-а-м, ты слышишь меня?.. м-а-ам...

— Да, да... Конечно, доченька, — отвечала Фаина Михайловна и даже улыбалась искорёванной вымученной улыбкой.

И опять замирала, глядя в окно, как будто поджидала его — терпеливо, томительно, часами. Она изводила себя этим ожиданием, просиживая сутками у окна, не сводя воспалённых глаз с дороги, с крыльца. Вздрагивала каждый раз, когда набегавший ветер хлопал калиткой или ставнями.

— Ну, я пошла, мамочка... — снова заводила Леонида, прижимая к себе спортивную сумку с огромными буквами на боку "adidas". — Ну, так я пошла, слышишь...

— Конечно, конечно, — отвечала Фаина Михайловна дочери и опять принималась виновато улыбаться.

— Ну, не могу я так. — Леонида возвращалась в дом, валилась на диван, сумка с иностранными буквами падала на пол. Леонида закрывала лицо руками, горько плакала. — Ну, не могу, не могу же я оставить тебя в таком состоянии, не могу уйти, не могу — и всё...

— Конечно, конечно, — безразлично отвечала мать. И снова, уставившись в окно, затихала.

Больничный Фаины Михайловны Леончиковой, первый за всю её жизнь, проделывали несколько раз. Никак не получалось у неё выйти на работу прежней — крепкой, сильной. А другой она не хотела появляться среди своих. Повидимому, опыт и суровая школа фронта, который она прошла от начала и до конца, выучил и сформировал её и как хирурга, и как прооперированного — мало ли что может случиться! Да и вызов возможен в любую минуту — кто, как не дежурный врач придёт на помощь, да и лишняя копейка в семью за ночное дежурство не помешает — про то все хирурги хорошо знают.

Был такой случай: наткнулся на щепу в поле во время уборки урожая человек. Нескладно упал со скирды и наткнулся на торчавшую из земли щепку. А та прямо ему в сердце и воткнулась. Чуть ли не насквозь грудь пропорола. Привезли в больницу в тяжелейшем состоянии. Что было делать? На сердце оперируют только в центре — в Москве да Ленинграде, куда не раз ездила Фаина Михайловна на усовершенствование, видела, как это всё делается, да только думала, что никогда ей не оперировать на сердце — для этого нужна техника современная, аппараты, а разве добудешь их на Алтае, в районной больничке?

А вот довелось-таки.

Человеческая жизнь одинаково ценна — что в центре, что на окраинах страны.

Срочно "вымылась" и — в операционную, куда уже доставили пострадавшего.

Началась операция.

Не было никакой специальной аппаратуры, не было всего того, что видела она когда-то в Московской центральной клинике. Но были заботливые материнские руки и опыт фронтového хирурга.

А ещё было мужество, решительность и ответственность за человеческую жизнь.

Вскрыли грудную клетку, добрались до сердца.

Будто само пришло решение: обтянуть повреждённую мышцу “кисетными” швами, а потом, затягивая “кисет”, постепенно извлекать щепу. Так и сделали. Попытайся кто-нибудь там, в поле, на току под той скирдой извлечь её из груди пострадавшего — человек бы мгновенно погиб бы от сдавления сердца излившейся кровью. Счастье, что никто не сделал этого, хотя первое желание у любого было избавить несчастного от проклятой щепы.

Ассистент, молодой хирург, который никогда и не подозревал, что придётся ему оперировать на сердце в “дыре”, затягивал швы, а Фаина Михайловна медленно извлекала из открытой раны кусок дерева.

Боялись остановить бьющегося сердца, боялись кровотечения... Чего только не боялись...

А операция удалась!

И надо было видеть, сколько счастья было на лице человека, вырвавшегося из страшных объятий смерти!

Спасли!

Потом шутили, что в Рубцовске самое время открывать филиал центрального института усовершенствования врачей.

...Всякое было. Да только вот такого не было, чтобы сама Фаина Михайловна сломалась, чтобы и для неё отыскалась щепка, и не оставалось сил прийти на работу по-прежнему сильной, уверенной, крепкой, надёжной.

— Ну, что ж, — сказала главный врач больницы по фамилии Медведь тому самому ординатору, который оперировал на сердце с Фаиной Михайловной, — придётся теперь вам брать в свои руки хирургическое отделение. Делать нечего, — видно, у Фаины Михайловны это надолго. Скорее всего, с ней что-то такое случилось, что потребует длительного лечения. Мы об этом позаботимся, разумеется, сделаем всё возможное, в беде не оставим... Трудно, конечно, будет без неё, но, как говорится, незаменимых людей не бывает. Словом, мы тут посоветовались и решили, что лучше вас никто с этой задачей не справится. Да вы не бойтесь, всегда поможем, так сказать, посодействуем. Так что вперёд!

— Да я не так беспокоюсь о деле, как мне страшно подумать, что в один прекрасный день выйдет Фаина Михайловна на работу, на своё законное место выйдет — не вечно же ей болеть! — а оно занято, и кем? Вот что меня беспокоит.

— Ну, это как раз меньше всего вас должно волновать, — сказала Медведь, взглянув вопросительно (дескать, какой, однако, шепетильный!) на сидевшую рядом заместительницу, — это мы берём на себя. Ведь согласитесь и поймите нас правильно: нельзя же хирургическому отделению да без хирурга?

— Ну, какой я...

— Не надо скромничать. Не надо. — Строгим голосом оборвала его Медведь. — Ну, и потом не каждый оперирует на сердце... А вы... Доверила же вам Фаина Михайловна.

Врач передёрнул плечами.

— Нехорошо как-то.

— Ну, вот и договорились. Прекрасно!

Дела в хирургическом отделении пошли из рук вон плохо: послеоперационный период у больных протекал беспокойно из-за многочисленных осложнений. Участились случаи смерти. По городу поползли слухи: в больнице творится что-то неладное.

Несколько раз рядовые хирурги ходили к Фаине Михайловне. Благо дом её располагался во дворе больницы... Хотели посоветоваться, порасспросить о предстоящих операциях. Но с чем приходили, с тем и уходили. Она не выходила из дома. Двери на самый настойчивый стук не открывала, на голос не отзывалась. Плотные шторы на окнах надёжно отражали её от окружающего мира.

Но, как говорили, её не раз видели, когда поздно вечером она подставляла кирпичи к стене больницы в том месте, где располагалась операцион-

ная, и вставала на цыпочки, чтобы дотянуться до окна. Долго глядела, прижавшись к стеклу.

А потом она опять пропадала надолго. И никто не видел её неделями.

Наконец, Фаина Михайловна стала появляться в городе. Её видели на улицах. Она исхудала, глаза её сделались огромными, как на картинах Ильи Глазунова, с чёрными серпами под глазами — следами притаившегося горя, вьёвшегося, казалось, навеки в её облик — в лицо, в походку.

Тем не менее, она была приветлива. Улыбалась знакомым людям. А знакомы ей были почти все обитатели Рубцовска.

Останавливалась, говорила спокойно. Люди старались помочь ей, чем могли. Никто не касался её горя. Старались отвести разговор в её прошлую счастливую жизнь — воспоминания лечат. Напоминали о том хорошем, что она сделала для людей. Вспоминали, как приходили к ней на приём, как она всегда решительно бралась за дело, как они верили ей и как она не разочаровывала их, как вместе с ней радовались успехам, как неудачи обходили их стороной. Говорили, что её уверенность в себе передавалась и им, и это придавало сил, помогало там, где всё казалось до встречи с Фаиной Михайловной безнадежным перед лицом тяжкого недуга.

Она слушала с нескрываемым удовольствием. Широко и открыто улыбалась. Стесняясь, трепала собеседника по плечу: “Да будет вам, просто делала свою работу, только и всего... Не заставляйте меня краснеть...” Прощаясь, крепко пожимала руку — по этому рукопожатию, по его силе, по сопровождающей его улыбке чувствовалось, что к ней возвращалась жизнь, что она шла, наконец, дорогу с самой себе.

Пришло время, и Фаина Михайловна вернулась в больницу. Бочком, как будто нехотя (хотя какой там нехотя — спала и видела оказаться снова в больничных палатах, в операционной!) и даже не сразу вошла в дверь (не спугнуть бы, что ли, свою мечту?) в которую входила чуть ли не полвека. И вот вошла-таки снова. Вошла, как первоклассница входит в класс, озираясь по сторонам, отыскивая поддержку в каждом из одноклассников.

Вернулась!

Она стала жадно расспрашивать о делах, об операциях, о тяжёлых больных, об удачах и просчётах, да обо всём, чем жило её отделение последние несколько месяцев.

И всё выходило просто и обыденно, будто она и не покидала хирургического отделения ни на минуту. Когда говорили о предстоящих операциях, Фаина Михайловна с присущей ей страстью давала ценнейшие советы, прикрывала глаза, и сама будто брала в руки скальпель и внедрялась в рассекательные ткани всё глубже и глубже... И вот уже испарина на лбу, вот уже накладываются швы, и можно, наконец, расслабиться...

И оставалось лишь одно — войти в операционную и уже там не на словах, а на деле, как она это делала раньше, показать своим подопечным, “как это делается с наименьшими потерями, самым кратчайшим путём”. Так она передавала свой драгоценный опыт, накопленный во фронтовых госпиталях, полевых хирургических передвижных блоках. Не зря и училась она на курсах усовершенствования врачей — всё у неё шло в дело, каждое лыко в строку!

— До нас дошли слухи, дорогая вы наша Фаина Михайловна, — главный врач (которая Медведь) была на этот раз излишне улыбчива и приторно внимательна и обходительна, — что вы собираетесь в операционную.

— А почему бы и нет, — отвечала ничего не подозревавшая Фаина Михайловна, привыкшая на улыбку отвечать улыбкой, — стаж почти пятьдесят лет как-никак. Что же тут удивительного?

Главный врач многозначительно молчала, уставившись в лицо собеседнице.

Постепенно с лица Фаины Михайловны стала сползать возвратившаяся было к ней известная всему городу улыбка, потом дрожащие длинные пальцы метнулись к лицу, судорожно стали шарить по нему, будто искали под-

держки, но не находили её, коснулись щёк, слипшихся от подкатившего волнения губ.

— Есть вещи, дорогая Фаина Михайловна, — подлащала и без того приторный голос Медведь, — которыми не шутят.

Фаина Михайловна стремительно выбежала из просторного, как вокзальный зал, кабинета главного врача. Зашаталась, как на ветру, табличка: “Главный врач городской больницы Медведь”.

Встречавшиеся ей прохожие долго смотрели вслед. Задумывались, зная её историю: что бы такое ещё могло случиться с Фаиной Михайловной? Может, хватит уже на её голову “приключений”? Глядели и недоумевали, пожимали плечами: казалось бы, этой женщине и так за последнее время выпало достаточно испытаний.

Вечером пошёл первый снег. Робко, осторожно, с опаской, что ли, — так крадутся к своей добыче хищники. Потом убедился, что *можно*, и повалил изо всех сил, покрывая землю, располагаясь надолго, может быть, по сибирским законам, и сразу до весны.

— С Ищенко нам самим не справиться. Доставлен слишком поздно.. Никто из нас раньше таких операций не делал, — говоривший остановился, обвёл глазами присутствующих и добавил:

— Вот разве что Фаина Михайловна... Если бы она согласилась...

— Да, если бы... Хорошо она это делала в своё время... Мастерница, что там говорить... За какой-нибудь час-два — и полная резекция желудка готова...

— Можем потерять время, пока будем рядиться... Ситуация крайне сложная, операция неизбежна. Счёт идёт на часы. Чем скорее она будет сделана, тем лучше...

— Ну, и что же делать?

В ординаторской воцарилась тишина. Слышно было, как по улице проезжают редкие грузовики, на которых ещё минуту назад никто не обращал внимания.

— Может, ещё раз сходить к ней... Попросить... Объяснить, что да как, так, мол, и так... — Его перебили сразу несколько голосов:

— Да уже ходили, и не раз!

— Так она даже двери не открывает, не подаёт голоса...

За окном сгущаются сумерки, голые ветки раскачивающихся на ветру деревьев скребутся в окно.

— Ну, хорошо, — нарушает тишину чей-то голос, и все, как по команде, поворачивают головы в сторону говорящего, — ну, предположим, нам удастся уговорить её, вернётся она в операционную, ну, удастся нам вложить ей скальпель в руки, но ведь там, — он указал на потолок, — там этого не одобряют...

— Это уже будет потом... Сейчас задача задач — вернуть Фаину Михайловну.

— А дальше идём все вместе к главному и говорим: тогда сами оперируйте! Медведь сама в прошлом — хирург. Она потому и бесится, что никогда не была и не будет такой, как наша Фаина Михайловна. Чужая слава пока не даёт...

Все оживились.

А кардиолог вдруг заявил с серьёзным видом:

— Всё! Можете все идти по домам, кроме дежурных врачей. Я, кажется, кое-что придумал. Так. Больного срочно готовьте к операции.

— Так ведь...

— А вы готовьте, готовьте, — загадочно произнёс кардиолог. — Есть у меня одна идея.

Из всех окон больницы виден дом Фаины Михайловны — он стоит прямо во дворе, окружённый со всех сторон больничными корпусами.

— Это для того, чтобы если что — “Вот она я!..”

С таким расчётом и строилась в своё время.

Хирург, оставшийся в ночь, глядел на её дом. Дежурный врач и операционная медсестра сидели на просторном, выдавшем виды кожаном диване, ждали молча, то и дело поглядывая на кардиолога — пора и назвать его! — на Петра Мартыновича.

В доме Фаины Михайловны погас свет.

— Подождём ещё маленько, — прошептал Пётр Мартынович, будто опасаясь разбудить Фаину Михайловну.

Какое-то время сидели молча, делая вид, что понимают то, чего до конца не понимал никто из присутствующих в предоперационной.

Томительное ожидание затягивалось.

— Пора! — это стало ясно даже не потому, что было произнесено это слово, а по тому, как решительно поднялся со своего места Пётр Мартынович.

— Главное, чтобы она как можно крепче уснула.

Заговорщики, окончательно сбитые с толку, согласно кивнули.

— Так. Значит, как только увидите, что мы с Фаиной Михайловной выходим или даже выбегаем с крыльца её дома, так сразу же делайте местную анестезию и кожный разрез. Кожный — слышите. И чтобы больше крови в разрезе, слышите? Побольше... Ну, всё. Я пошёл. С Богом.

Он взял накрахмаленный заранее хирургический халат с завязками “назад” и белоснежный больничный чепчик Фаины Михайловны.

Ничего не понимая, все поплелись в операционную, где уже всё было приготовлено для операции.

Удалявшийся по длинному больничному коридору Пётр Мартынович, обернувшись, проговорил:

— Как только увидите нас, так приступайте сразу же...

Сколько раз с этим халатом стоял он ночами под окнами дома Фаины Михайловны, которая, едва заслышав шаги, просыпаясь на ходу, “ныряла” в подставленный Петром Мартыновичем халат, который он завязывал ей уже на бегу.

— Ох, и любительница же я поспать! Прямо как девчонка. Давай сюда халат. Чтоб не терять времени зря...

Потом они бежали по больничному двору: она — впереди, поскольку “ей больше всех надо”, следом — Пётр Мартынович или кто другой. И не было случая, чтобы она не успела на помощь.

— Только вышли на малую кривизну, только отсепарировали артерию... Ну, и пошло тут...

— Ах, вы безобразники, — да вы ж забыли про...

— А точно! Даже не подумали...

— Эх, вы, сколько вас учу, а вы всё своё... Ну, ладно, теперь не время, давай скорей... Где раствор муравьиной кислоты?

Громко хлопала дверь больничного корпуса. И на дворе восстанавливалась привычная тишина, а яркое окно операционной в ночи было чуть ли не единственным освещённым окном в уснувшем городе.

Вот и сейчас Пётр Мартынович оказался на крыльце дома Фаины Михайловны. Вот он собирается с духом и сильно и тревожно стучит в окно:

— Фаина Михайловна, Фаина... — он не успевает договорить, как в окне появляется переполошенное лицо Фаины Михайловны, привыкшей за много лет по такому сигналу своих сотрудников, реагировать мгновенно — это уже в крови, врождённый рефлекс настоящего врача.

— Что такое опять? — спрашивает она и подставляется под предлагаемый ей Петром Мартыновичем халат, как это она делала миллион раз.

— Если можно, скорее... Расскажу по дороге.

— Да, да, конечно... Ну, что ты никак не можешь завязать... Давай скорее... Копается он...

Фаина Михайловна стремительно направляется к больничному корпусу, поправляя на ходу волосы.

— Ну, что там у вас? Кровит?

— Ну, да... Инвагинат...

- Так давай побыстрее...
- Наложили все зажимы, а оно...
- Вот правильно. Прошили — нет?
- Не успели...

Она почти вбегает в предоперационную. Пётр Мартынович едва поспевает за ней.

В зеркальной вогнутости огромной операционной лампы, свисающей с потолка, отражаются три склонившиеся над больным фигуры в белых халатах. И хотя они смешно искажены в отражении, но без труда угадываются: оперирует Фаина Михайловна, ассистируют Пётр Мартынович и дежурный врач.

- Кохер.
- Пиан.
- Ещё кохер...
- Зажим.
- Покрепче. Нет, не надо.
- Пульс?
- Скальпель... другой!

Слова обступают людей в белых халатах. Слова помогают им в их сложном деле.

Идёт операция.

...Вдруг руки Фаны Михайловны останавливаются, недвижно зависают над раной, словно две птицы над гнездом.. Кончики пальцев начинают подрагивать, потом откровенно дрожать. Фаина Михайловна поднимает особенно выразительные над медицинской маской глаза, устремляет их на Петра Мартыновича. На лбу у неё проступают крупные капли пота. Инструменты в её руках замирают. Она даже покачулась, что не могли не заметить и её коллеги.

— Что с вами, Фаина Михайловна?

Фаина Михайловна только сейчас, когда бóльшая половина операции уже позади, вдруг поняла, что сделал этот “хитрован” Пётр Мартынович: она снова у операционного стола, она уже оперирует, она заканчивает операцию... А ведь ещё с вечера, перед сном она сомневалась, сможет ли когда-нибудь ещё встать к операционному столу, удержит ли скальпель в руке? И ей тогда казалось, что нет, не сможет, и не зря люди запрещают ей входить в операционную... Может быть, они правы? Скорее всего...

И вот она у стола, она заканчивает дело. Рядом надёжные люди.

— Фаина Михайловна!, — раздаётся голос Петра Мартыновича в густой тишине операционной, — давайте-ка продолжать! — и добавляет уже ласково:

— Вы же видите сами — всё уже позади, все ваши страхи, все ваши опасения... Так что вперёд!

— Ну, и хитёр же ты, Пётр Мартынович, сыграл на чём... Ловко! Ничего не скажешь.

— Да так уж вышло, Фаина Михайловна.

— Да, вышло всё просто здорово! Сама я никогда бы не переборолась, не выбралась бы из этой ямы — сил бы не хватило. Спасибо тебе! Спасибо вам...

- Ну, вот и прекрасно..
- Вязать. Ещё вязать...
- И не надо больше волноваться. Никогда!